

«ДО ИСТИНЫ ДОБРАТЬСЯ, ДО ЦЕЛИ, ДО ДНА...» (КОНЦЕПТ ИСТИНЫ В ПОЭЗИИ В.С. ВЫСОЦКОГО: АССОЦИАТИВНЫЙ АСПЕКТ)

В «Балладе о Кокильоне» В.С.Высоцкого есть такие строки: *«Душа его просила и плоть его хотела / До истины добраться, до цели и до дна...»* Стремление «до истины добраться» — одна из констант человеческого бытия. Изучению понятия истины, в том числе с лингвистической точки зрения, посвящено немало фундаментальных работ¹. Тем не менее «остается в тени концептуальный фон этого понятия. <...> В этом смысле обращение к теме истины может быть начато *ab ovo*. Немалую роль в исполнении этой задачи должен сыграть анализ концептуальных систем, представленных древними и новыми языками» (1, с.6). В связи с этим представляется весьма важным и интересным изучение концепта истины в языковой картине мира В.С. Высоцкого, поэта, который занимает место в ряду личностей, оказавших значительное влияние на умы и сердца людей XX века. Подобно тому, как в текстах Данте находят наиболее точное определение концепта истины для «осени средневековья» (3, с.58), в поэзии Высоцкого возможно выявление концептуального фона истины, адекватного для последней трети уходящего века. (Для высококоведения стало уже тривиальным положение о том, что творчество поэта — своего рода эпопея современной русской жизни, языковой портрет эпохи).

Исследование концепта истины в поэзии Высоцкого многоаспектно (контекстные оппозиции, системные синонимические связи, стилистические особенности употребления «высокой» лексики и т.д.). Один из вопросов, свидетельствующих об этой многоаспектности, — вопрос об ассоциативно-семантических связях слова-концепта *истины*. Как отмечает Ю.Д. Чернейко, «концепт включает понятие, но не исчерпывается им, а охватывает все содержание слова, — и денотативное, и коннотативное, отражающее представления носителей данной культуры о характере явления, стоящего за словом, взят в многообразии его ассоциативных связей» (10, с.75). Анализ ассоциативных связей *истины* в текстах Высоцкого (речь здесь не идет о синонимо-антонимических ассоциациях) позволяет говорить о следующем.

Концепт истины для Высоцкого прежде всего связан с ситуацией поиска // отказа от поиска, причем первый случай сопряжен с активными действиями субъекта, душевными и физическими усилиями с его стороны: *«Душа его просила и плоть его хотела / До истины добраться...»* («Баллада...»; *добраться* — «после затраты времени и сил достичь чего-н.»; *хотеть* — глагол волеизъявления), второй — с полным отказом от активности: *«Ни философский камень больше не ищу, / Ни корень жизни, — ведь нашли женьшень. / Не вдохновляюсь, не стремлюсь, не трепещу...»* («Песня конченого человека»). В «Балладе...» истина оказывается связанной синтагматическими ассоциациями с лексемами *цель, дно*; этот ряд распространяется в тексте «Прерванный полет», где истина имплицитно присутствует как возможная реакция на стимул *добраться* — как в предыдущем тексте: *«Он знать хотел все от и до, / Но не добрался он не до... / Ни до догадки, ни до дна, не докапался до глубин...»* (Кроме того, *добраться* — «достичь»; *достижение*, по данным РАС, — стимул по отношению к словоформе *истины*.) Однородные актанты *до догадки, до дна, до глубин* отражают иерархический процесс достижения истины-цели «от и до», т.е. от начала до конца: от приближения к истине, когда улавливаешь лишь ее мерцание (*догадка* — «предположение о вероятности, возможности чего-нибудь»), до дна. (Отметим: предлог *от* упот-

ребляется для указания на исходную точку чего-н., до — для указания на предел чего-н., *до дна* — т.е. до конца, полностью.) Третий элемент — *до глубин* — объединяет начало и конец, указывает на степень возможности достижения истины (*глубина* — «расстояние от поверхности до дна или до какой-н. точки по направлению вниз»; перен. — «сила, степень проявления чего-н.»). Истина при этом может быть интерпретирована как суть. Ср.: *«Чтобы добраться до глубин, до тех пластов, до самой сути»* («Упрямо я стремлюсь ко дну...»).

Ассоциативный ряд *истина — догадка — дно — глубины — суть* оказывается весьма существенным для описания концепта истины у Высоцкого, в текстах которого представлена троичная модель мира «*верх — середина — низ*», где «Движение вверх или вниз рассматривается как уход ... в потусторонний мир», а «срединный мир есть область земной жизни» (8, с.75), причем «оппозиция «верх — низ», традиционно важная в литературе, у Высоцкого часто «не работает», поскольку его идеологические установки таковы, что любое движение человека из срединного мира «здесь» в «там» — будь это верх или низ, — все равно, — одинаково спасительны и освобождающи» (8, с.123). Истина как суть, сущность, ноумен, таким образом, оказывается той точкой, в которой пересекаются со- и запредельный миры, где начало (*догадка — поверхность — верх*) соединяется с концом (*дно — глубина — низ*). Поэтому «*назад*» — «*ко дну*» — к концу (*идти ко дну* — погибнуть), но и «*назад — в извечную утробу*» — к началу, к возрождению («Упрямо я стремлюсь ко дну...»). Ср.: «*В рожденьи смерть проглядывает косо...»* («Мой Гамлет»); «*Конец — это чье-то начало...»* («Сыновья уходят в бой»).

Следствием попытки «*добраться до глубин, до сути*» может стать то или иное проявление многоликости истины, например: научное открытие (относительная истина, так как «*действительно все относительно*» и «*даже Эйнштейн, физический гений, / Весьма относительно все понимал*» («О вкусах не спорят»)); истина «изустная» — откровение, данное свыше, прорыв в «верхний мир», пророчество; истина логическая, имеющая прагматическую основу и обусловленная природой человека как субъекта познания и речи (когда требуется «*Разглядеть, что истинно, что ложно*» («Зарыты в нашу память на века...»)). В поэзии Высоцкого намечено противопоставление прописных истин (общепринятых суждений) и истин «изустных»: «*Мы многое из книжек узнаем, / А истины передают изустно...»* («Я из дела ушел...»), причем предпочтение отдается последним (не случайно первые узнаются из книжек, а не из книг). В контексте прецедентного: «Несть пророка в своем отечестве» (Евангелие от Матфея) как новое откровение звучат строки: «*Открылся лик — я встал к нему лицом, / И Он поведал мне светло и грустно: / Пророков нет в отечестве своем, / Но и в других отечествах не густо*» («Я из дела ушел...»). Действительно, истина часто оказывается невостребованной, а ее «носителей» — «*Во все века сжигали люди на кострах*» («Песня о вещи Кассандре»). В соответствии с мучительным парадоксом «срединного мира»: «*Не скажу про живых, а покойников мы бережем*» («Райские яблоки»), осознание (признание) ценности обретенной истины бывает напрямую связано с уходом ее «носителя» из этого мира, как в случае с «*мучеником науки*» Кокильоном в «Балладе...», который «*безвременно угас*», зато «*Народ его открытием дорожит.*»

Ситуация отказа от поиска истины может быть связана причинно-следственными отношениями с подменной ее преходящими ценностями: взамен философского камня (перен. — ‘начало всех вещей, суть’) и корня жизни (перен. — ‘начало, исток чего-н.’) — ‘нашли женшень’ (“Песня конченого человека”); взамен откровения, открытия предлагается облегчение: “Хочешь истины в стакане — / На лечение? // Тяжело же столько весить, / А хлебнешь стаканов десять — / Облегчение!” (“Две судьбы”). Отказ от поиска истины, подмена — возможный путь к исцелению, избавлению от боли и тревог: “Не ноют раны, да и шрамы не болят — / На них наложены стерильные бинты. // И не волнуют, не свербят, не теребят / Ни мысли, ни вопросы, ни мечты” (“Песня конченого человека”). Но это — путь отказа от жизни: “Пора туда, где только ни и только не...” (там же), тогда как для Высоцкого “истина <...> — полнота жизни, ее цельность и единство в многообразии проявлений” (8, с.82). Поиск истины — философского камня, корня жизни — тоже исцеление (не случайно и философский камень, и корень жизни содержат семы ‘лечение’, ‘излечивать’), но исцеление через познание сути, через возвращение к истоку, через возрождение.

“Истина есть одновременно условие и результат выбора”, — отмечает Н.Д. Арутюнова (2, с.9). Выбор истины в модели мира Высоцкого — “в свободе и через свободу” (4, с.56), пусть “Нет свободных падений с высот, но зато/Есть свобода раскрыть парашют” (“Затяжной прыжок”). Это может быть путь через лабиринт Минотавра или через “душные колодцы” современного города — “к свету и ветру”, где сделать выбор помогает “нить Ариадны” — “нитка любви” (истины — типовой ассоциат на стимулы свет, нить), а “одному выхода нет” (“Нить Ариадны”). В то же время путь к истине в модели мира Высоцкого — это познание своей экзистенциальной сущности самим человеком, попытка выбрать себя, быть верным себе, “находить внутренние силы для осуществления принципов, определяющих ... неповторимо-личностный код” (5, с.271). Это непросто: “Все гениальное и не — /Допонятое — всплеск и шалость — /Спаслось и скрылось в глубине”, но “все труднее погружаться. <...> И глубина не принимает” (“Упрямо я стремлюсь ко дну...”), и потому Гамлет Высоцкого бьет

ся над выбором “быть, не быть”, /Как над неразрешимой дилеммой”, а “гениальный всплеск похож на бред” (“Мой Гамлет”).

В заключение отметим, что поиск истины индивидом, выбор (сведение множественности к единственности как основная характеристика концепта истины) связаны в поэзии Высоцкого с вопросом о смысле человеческого бытия в целом: “Зачем мы сделали людьми? /Зачем потом заговорили?” (“Упрямо я стремлюсь ко дну...”)

Предложенный нами материал является фрагментом исследования концепта истины в языковой картине мира Высоцкого.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ См. работы П.А. Флоренского, В.Г. Гака, Н.Д. Арутюновой.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Арутюнова Н.Д. От редактора // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. — М., 1995.
2. Арутюнова Н.Д. Истина и этика // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. — М., 1995.
3. Алисова Т.Б. Концепт истины у Данте // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. — М., 1995.
4. Бердяев Н.А. Самопознание: Опыт философской автобиографии. — М., 1990.
5. Блинов Ю.Н. Доминанты поэтики экзистенциализма у В.Высоцкого // Мир Высоцкого: Исследования и материалы. — М., 1998. — Вып. II.
6. Гак В.Г. Истина и люди // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. — М., 1995.
7. Русский ассоциативный словарь. — М., 1994 — 1996.
8. Скобелев А.В., Шаулов С.М. Владимир Высоцкий: Мир и слово. — Воронеж, 1991.
9. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. — М., 1990.
10. Чернейко Ю.Д. Гештальтная структура абстрактного имени // НДВШ ФН. — 1995. — №4.

М.А. Кашина
Череповец

ОКНО В МИР У И. БРОДСКОГО

В народе говорят: “Глаза — зеркало души”. Заглянув в них, мы можем многое понять о внутреннем мире человека. Взгляд в окно дает нам представление о том, что происходит вокруг, за пределами нашего жилища.

Лексемы “глаз” и “окно” в русском языке имеют общую природу, восходят к одному корню (праслав. *okno из око, совр. нем. — das Glas — стекло). Человек в поэзии Бродского дан метонимически, через “бедро красавицы”, глаз, зрачок, веко (“В пыльной кофейне глаз в полумраке кепки”).

Взгляд в окно — одно из необходимых условий жизни человека, поэта, он связан с напряженной внутренней работой, совсем не как тот всем известный старожил, который “лет сорок с ключницей бранился, в окно смотрел и мух давил”.

Раскрывая семантический потенциал слова “окно” в поэзии И. Бродского, уместно оттолкнуться от словарного значения, выявить узуально закрепленные семы. Окно в БАС - 1: “Отверстие для света и воздуха в стене здания или стенке какого-либо транспортного устройства (поезда, парохода и т.д.). В РАС окно — одна из реакций на стимул “вещь”, а в РСС в статье “окно” со-

держится ряд реалий “вещного мира” (витрина, портьера, дверь, штора). Глаз, дверь, дыра в мир иной и др. — реакции на стимул “окно” в РАС.

Лексема “окно” употребляется в сборнике “Часть речи” более 50 раз, не учитывая лексем-экспликаторов (штора, портьера, жалюзи) и помимо своего фактического значения в поэзии Бродского приобретает дополнительную смысловую наполненность, экзистенциальную глубину.

Интересно, что при взгляде со стороны, окна выполняют функцию зеркала, отражают черты смотрящего, не позволяя проникать в тайны, успешно оберегаемые светом дня. При подобном рассмотрении и содействии судьбы помимо собственного отражения можно увидеть и то, что “недоступно глазу”, скрытое содержание, суть. Ночью, когда время “стоит или идет назад”, высшее начало ассоциируется у поэта со взглядом в окно (“И там, на тридевятом этаже горит окно” 2, с.366). Перифраз из Рильке дает противоположный взгляд сверху вниз (“Господь оттуда — только свет в окне, туманной ночью в самом дальнем доме” с. 34). В стеклах, квадратах окон, отражаются развалины,